

© А.Х. Даудов, Б.А. Алимджанов, А.А. Андреев,
В.А. Шорохов, Д.Г. Янченко

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ В УЗБЕКИСТАНЕ В ПОЗДНЕСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ И ЭПОХУ НЕЗАВИСИМОСТИ

Ключевые слова: идентичность, ислам, светскость, *Бирлик*, власть, национальная интеллигенция, региональность, локальность, национализм

В статье рассматривается государственная политика идентичности (“национального возрождения”) в Узбекистане в последние 30 лет. Авторы анализируют действия республиканских властей в отношении самоидентификации населения Узбекистана. Правительство еще во второй половине 1980-х годов взяло курс на сохранение светского характера гражданской идентичности; религиозная и региональная идентичности целенаправленно вытеснялись на бытовой уровень. При этом трактовка “светскости” правящим классом имела ряд ярких особенностей. В частности, проекция в историю становления государственности в регионе позволяла обосновать монополию институтов власти на строительство общенациональной государственной идентичности. Подобная последовательная и тактически жесткая линия способствовала укреплению светского режима путем внутривластной стабилизации.

DOI: 10.31857/S086954150001481-9

В течение трех последних десятилетий на постсоветском пространстве наблюдается интенсивное формирование новых идентичностей, которые определяют характер развития государств, возникших после распада СССР. На протяжении того же периода в академических кругах Запада и стран СНГ идут споры о причинах, сути и направлении происходящих изменений. Особое место в этих дискуссиях занимает тема идентичности населения Центральной Азии. Объясняется это и “класси-

Абдулла Хамидович Даудов | <http://orcid.org/0000-0002-2254-9462> | a.daudov@spbu.ru | д.и.н., профессор, директор Института истории | Санкт-Петербургский государственный университет (Университетская наб. 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

Бахтиёр Абдихакимович Алимджанов | <http://orcid.org/0000-0002-8251-0201> | felix_1985@mail.ru | к.и.н., независимый исследователь (Ташкент, Узбекистан)

Артём Алексеевич Андреев | <http://orcid.org/0000-0002-0431-2648> | a.a.andreev@spbu.ru | к.и.н., доцент кафедры этнополитологии | Санкт-Петербургский государственный университет (Университетская наб. 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

Владимир Андреевич Шорохов | <http://orcid.org/0000-0002-0866-8529> | v.shorohov@spbu.ru | к.и.н., ассистент кафедры исторического регионоведения | Санкт-Петербургский государственный университет (Университетская наб. 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

Денис Геннадьевич Янченко | <http://orcid.org/0000-0002-5400-3528> | d.yanchenko@spbu.ru | к.и.н., доцент кафедры истории России с древнейших времен до XX века | Санкт-Петербургский государственный университет (Университетская наб. 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов:
Санкт-Петербургский государственный университет [грант 5.42.1111.2016]

ческим” восточным прошлым, и ярко выраженной региональной спецификой советской эпохи, и уникальным в сравнении с бывшими “братскими” республиками современным состоянием этих территорий. Притягательности Центральной Азии для исследователей и экспертов, на наш взгляд, способствует недостаток информации, оставляющий простор для спекуляций. Авторы статьи не ставили перед собой цели проанализировать все инициативы, документы и мероприятия государственной культурной политики Узбекистана; в центре внимания были производимые данной политикой смыслы.

Одним из наиболее развитых направлений научно-публицистической дискуссии стал поиск *terminus ante quem* и *terminus post quem* процесса становления идентичности современных узбеков в контексте спора об истоках феномена нации. Большинство узбекистанских ученых (редкое исключение — А. Ильхамов) выступали с позиции историчности нации, ее примордиальной преемственности по отношению к отдаленным историческим общностям. Их западные коллеги предпочли рассматривать этничность и национальную идентичность как конструкты — в духе теорий Б. Андерсона, П. Бурдьё и М. Фуко. Несводимые к двум основным позициям подходы характерны для представителей пантюркистской и таджикской историографий. Спор осложняется представлением ряда исследователей о комплексном иерархическом характере этничности, что позволяет им сравнивать значимость того или иного компонента самосознания в определенный период. Последним масштабным эпизодом, продемонстрировавшим сохранение означенных противоречий, стали споры вокруг изданного в 2002 г. “Этнического атласа Узбекистана” (ред. А. Ильхамов). В 2005 г. этой теме был посвящен выпуск “Этнографического обозрения”¹. Спустя десятилетие различие в подходах сохраняется.

Мы постараемся рассмотреть процесс трансформации идентичности(тей) в Узбекистане в последние 30 лет через призму борьбы форм самосознания: предписываемой государственной культурной политикой с региональной, религиозной и локальной. Основной методологический инструмент, который мы используем, — деконструкция понятия “национальная идентичность” в Узбекистане, а также преодоление холизма и эссенциализма в определении идентичности.

Для начала обобщим представления официальной историографии республики об истории формирования узбекского народа. В академических кругах страны долгое время идет спор о форме и содержании идентичности ее населения. Ташкентские ученые (историки, этнологи) в большинстве отстаивают примордиалистскую версию национальной идентичности. Нужно отметить, что согласия по этой проблеме среди представителей науки нет. Например, можно встретить мнение, что процесс формирования национального самосознания узбекского народа, как и других народов Центральной Азии, еще не закончен, причем длительность этого процесса, в свою очередь, сообщает ему дополнительную сложность и противоречивость (Хужамурадов 1994: 33).

Официальная наука Узбекистана утверждает, что единый узбекский народ сформировался в IX—XII вв., при этом история узбекской государственности насчитывает более 2700 лет. Важно отметить, что бактрийцы, согдийцы, хорезмийцы, эфталиты и др. народы, населявшие Центральную Азию до прихода тюрок, вполне в духе советской историографии (Якубовский 1941; Толстов 1950: 7—14; Шаниязов 1974: 9) включаются в “генеалогию” узбеков, а их тюркизация рассматривается как постепенный и неконфликтный процесс (примером объявляется история поликультурного объединения Кангюй) (Алимова, Ртвеладзе 2001: 3—38; Шнирельман 2009: 202—205; Арифджанов и др. 2012: 24—35; Muhammadjonov, Usmonov 2005: 82—83; Emre Gurbuz 2014: 57—62).

На наш взгляд, подобный подход к предыстории титульной нации позволил решить сразу две политические задачи. Во-первых, заблокировать характерные для пан-тюркистской историографии попытки представить “узбекскость” частным случаем “тюркскости”. Об этом неоднократно писали наблюдатели и представители официальной науки (Толстов 1950: 8; Kiriṃli 1997: 56). Во-вторых, создать противовес “присвоению” ранней истории региона таджикской официальной наукой. Последнему служит, помимо прочего, акцент на употреблении древними обитателями Мавераннахра восточноиранских (в отличие от западноиранского *точикий*) языков.

Первым “национальным” государством на территории Средней Азии, по мнению многих узбекистанских историков, является Караханидское государство (X в.), правящая группа которого происходила из тюркоязычного племени карлуков. Появление централизованных государств, считают среднеазиатские ученые, совпадает с формированием узбекского и таджикского народов.

В период господства Караханидов (IX–XI вв.), пишут узбекистанские историки (ссылаясь на труды известного ученого К. Шаниязова), с переходом политической власти в Мавераннахре и Хорезме в руки тюркских династий был обозначен завершающий период этногенеза узбекского народа. В государстве западных Караханидов сформировался тюркский этнос, составивший этническую базу современных узбеков. В этот период сложилось единство таких ведущих этнических характеристик, как единство территории, языка, культуры, исторической судьбы, этнического самосознания, государственной принадлежности, религии и т.д. (Алимова и др. 2006: 113).

Таким образом, согласно позиции ташкентских академических кругов, государственные структуры в Средней Азии во многом первичны по отношению к нации (Алимова, Ртвеладзе 2001: 8–40). Это парадоксальным образом сближает вполне примордиалистскую по форме официальную теорию с конструктивистскими представлениями о создании единого ареала “административных паломничеств” и литературных языков как источников наций и национализма (Андерсон 2016: 90–131). Объяснением данному казусу служит, на наш взгляд, то, что признание первичности институтов власти создает историческую базу для изображения государства в качестве основного демиурга идентичностей в регионе.

Проблематика национальной истории имеет в Центральной Азии и внешнеполитическое измерение. Значительный временной промежуток между становлением государственности в Мавераннахре и “началом национальной истории” узбекского народа стал частью идеологического фона отношений Узбекистана и Таджикистана.

Прежде всего речь идет о принадлежности древнейших культурных центров Средней Азии — Бухары и Самарканда. Таджикские историки, в связи с нарастанием противоречий между республиками, поставили под сомнение историчность узбекистанской идентичности. Так, ведущий “официальный” ученый Таджикистана Р.М. Масов рассуждает о существовании «искусственно выдуманного народа с названием “узбеки”, который в основном составляют “отуреченные” таджики — сарты, владевшие двумя языками — таджикским и тюркским с примесью таджикских и тюркских слов» (Масов 2008: 526).

Помимо внешнеполитического фона, важным вызовом общеузбекскому историческому нарративу представляется повсеместное сохранение региональной компоненты идентичности, что отражается и в научной литературе. Историки, археологи, этнографы и краеведы из различных регионов страны в своих исследованиях подчеркивают вклад отдельных земляков, “своих” областей и общностей в общенациональную историю, а иногда и вовсе постулируют их “всемирно-историческое значение” (Кармышева 1976: 66, 70–71; Алимова, Ртвеладзе 2013; Маликов 2007: 5–10).

Ярким примером такого рода “научного патриотизма” могут служить теории М.Ш. Усмонова. С его точки зрения, кунграты являются “одним из крупных суб-этнических компонентов в составе узбекского народа” (Усмонов 2013: 297). Более того, автор выделяет кунгратов из состава узбеков и ссылается на общетюркскую идентичность, полагая, что они, “будучи неотъемлемой частью узбекского, каракалпакского и казахского и др. народов, занимают особое место в общетюркской культуре” (Усмонов 2013: 297).

Особое место в общеузбекистанском политическом нациестроительстве, безусловно, занимают каракалпаки. Исторически и культурно связанные с казахами теснее, чем с хорезмийскими узбеками, они вошли в состав УзССР в 1936 г., имея 12-летний опыт самоуправления в рамках территориальной автономии. Идеологическое обоснование объединения было сформулировано позже в виде тезиса, что два разных народа очень похожи по языку, образу жизни и быту (Вахабов 1961: 387–388). На дезинтеграционной волне 1990–1993 гг. Республика Каракалпакстан повысила свой статус до формально суверенного государства, связанного с Ташкентом союзным договором. При этом языковая и культурная идентичность каракалпаков поддерживается центральной властью. Вероятно, это связано с двумя факторами: во-первых, экономика и экология республики находятся в бедственном состоянии, не позволяя всерьез ставить вопрос об отделении; во-вторых, влияние (близкого культурно) Казахстана рождает в среде каракалпакской элиты страх полной ассимиляции северными соседями. Вероятность возникновения в республике серьезных сепаратистских тенденций представляется довольно низкой (Hanks 2000: 939–953).

Активное конструирование региональной и “племенной” истории усиливает разницу в восприятии общего прошлого, препятствует гомогенизации и этатизации идентичности населения Узбекистана. Это, в свою очередь, затрудняет достижение идеала политии, распространенного в постсоциалистическом ареале, — национального государства. Как показывает новейшая история Восточной Европы, в условиях ограниченных ресурсов власти и неразвитости балансирующих механизмов это может привести к пагубным последствиям (Мани 2016: 619–736).

Однако сохранение и развитие регионального этнокультурного поля осложняет процесс демократизации общества, поддерживая угрозу подмены конкуренции между программами социально-экономического развития страны конфликтами между локальными группами влияния (Collins 2004: 251–254).

С другой стороны, вызовом укреплению узбекистанского самосознания является существование в рамках идентичности образованных слоев населения элементов *пантюркизма* (или пантуранизма, понимаемого несколько шире). Эта концепция, сформировавшаяся во второй половине XIX в., фокусируется на общности великого прошлого тюркских (и/или “туранских”) народов, поисках следов былого единства в настоящем и усилиях по интеграции (т.е. возвращении к утраченной целостности) в будущем (Landau 1995: 1–5). В рамках среднеазиатской истории эта идеология оказалась неразрывно связана с реформистским движением джадидов. Развивавшийся в основном в русле модернизации школьного образования, языка и культуры в целом, среднеазиатский джадидизм, тем не менее, имел вполне определенные пантюркистские корни (отцом-основателем движения считался известнейший российский пантюркист И. Гаспринский) (Нурулла-Ходжаева 2015; Adigezalov, Abidov 2016). Еще одной “неудобной” для национальной интерпретации истории особенностью этого интеллектуального течения является позитивное отношение ряда ярчайших джадидов к имперской и советской России и систематическое сотрудничество с ней (Нурулла-Ходжаева 2015: 39; Adigezalov, Abidov 2016: 74; Алимова 2014: 150–180 и др.). В советское время пантюркизм наряду с панисламизмом оказался под запретом как в силу своей очевид-

ной альтернативности большевистскому модернизационному проекту, так и по причине участия его сторонников в басмаческом движении (*Аршаруни, Габидуллин* 1931).

В 1980–1990-х годах пантюркизм стал одним из проявлений “национального возрождения”, ибо давал, наряду с ощущением инаковости по отношению к союзному центру, конкретный внешний ориентир – Турецкую республику. Был создан целый ряд общетюркских координационных структур (“Всемирная ассамблея тюркских народов”, “Тюркской” и др.). На высшем уровне проводились “тюркские саммиты”, один из них (четвертый) состоялся в Ташкенте (*Landau* 1995: 194, 198, etc.; *Парубочная* 2011; *Васильева* 2011: 75). Однако к началу 2000-х годов официальный Узбекистан начал дистанцироваться от активного взаимодействия с множавшимися общетюркскими структурами. Причиной стал дрейф в сторону концепции нации-государства. Это отразилось и в оценке культурного наследия среднеазиатских джадидов: началась его осторожная “ренационализация”. Например, достаточно ясная протурецкая позиция сторонников этой идеологии стала интерпретироваться таким образом: “Основная здравомыслящая часть национальной интеллектуальной элиты Туркестана никогда не делала заявлений о необходимости создания (под эгидой Турции) мирового общетюркского государства” (*Алимова, Багирова* 2012: 280). Важным инструментом сдерживания “неактуальных” политических ассоциаций и одновременно адаптации описанных культурных явлений к сегодняшней политической повестке служат термины, применяемые в современной литературе по отношению к джадидам и пантюркизму, – “общественно-культурное реформаторство”/“прогрессивное движение” и “тюркизм” (*Алимова, Багирова* 2012: 269–306; *Арифджанов и др.* 2012: 150–158).

Немаловажную роль в актуализации ряда смежных проблем играют дискуссии по “анатомии” идентичностей, где оценка значимости религиозной самоидентификации населения заслоняет во многих случаях другие составляющие идентичности. Роль ислама в формировании самосознания граждан постсоветского Узбекистана отмечают представители разных научных “лагерей” (*Akcali* 1998; *Sarwari* 1997; *Majoka* 2009; *Schoeberlein-Engel* 1994; *Markowitz* 2005; *Akiner* 1996; *Onaran* 1994, *Rasanayagam* 2014). Однако, на наш взгляд, этот фактор имел наибольшее значение (в т.ч. в политике) в 1990-е годы. В этот период ислам был таким же удобным инструментом политической борьбы, что и этничность. В начале XXI в. адепты политизации ислама оказались вытеснены в сферу бытовой культуры и на низовой уровень социально-экономических отношений. Таким образом, реальное положение ислама в современном Узбекистане стало во многом таким же, как в предшествующую эпоху. По оценкам исследователей, “в XX столетии советской власти удалось вытеснить ислам с идеологического и политического поля, в Узбекистане мусульманская идентичность и мусульманские практики продолжали сохраняться, а большинство общества продолжало непублично соблюдать исламские традиции и т.п.” (*Арифханова и др.* 2011: 487). После кратковременного вторжения в политику религия снова заняла свою нишу в повседневной жизни среднеазиатского населения. “Если ислам, традиционная культура, патриархат или авторитаризм сегодня в силе, то лишь потому, что такова региональная традиция”, – пишет известный исследователь Средней Азии А. Халид (*Халид* 2010: 12).

Перечисленные тенденции нашли четкое внешнее выражение в судьбе мечетей Узбекистана. В 2000-х годах регистрация мечетей стала обязательной, а их количество резко сократилось, особенно в Ферганской долине. Так, из 2200 мечетей, что действовали в Андижане и окрестностях в середине 1990-х годов, успешно прошли регистрацию только 42. В Намангане из 1000 мечетей осталось лишь 240 (*Халид* 2010: 250).

В 2000-е годы объектом споров становится не только сама национальная идентичность, но и ее истоки. Объединив проблемы этничности и национальной идентич-

ности и апеллируя к эссенциалистским теориям, большинство исследователей писали об “изначальном” существовании узбекской нации. Негативным фактором, затормозившим естественное (подразумевалось “национальное”) развитие народов Средней Азии, был объявлен колониализм (*Шаниязов* 1996; *Исхаков* 1997). Ниже мы попытаемся рассмотреть основные вехи смены парадигм национальной идентичности в Узбекистане, определившие современный политический и культурный капитал региона.

В конце 1980-х годов в среднеазиатских республиках наблюдались мощные драматичные процессы, определяемые терминами “национальное и культурное возрождение”, “этнический взрыв” или “бум этничности”. Эти явления отразили глубокий кризис советской политики в сфере нациестроительства и провал проекта создания унифицированного социального пространства в СССР (общую характеристику этих явлений см.: *Olcott* 2000). Произошедшие изменения способствовали появлению новых национальных идентичностей в постсоветской Средней Азии. Сосредоточенные на создании альтернативы “советскому человеку” антрепренеры от национальной идентичности акцентировали внимание на уникальности и неповторимости своей этнической/метаэтнической группы, что приводило к эссенциализации концепта нации, граничившей с национализмом и шовинизмом. Неопределенность понятия идентичности(тей) в гуманитарных науках и иррелевантность для целей национально-государственного строительства конструктивистских терминов и теорий привели к сохранению советского вокабуляра в регионе в этой сфере.

Одним из толчков к “национальному пробуждению” стало “Хлопковое дело”. В эпоху перестройки появились различные общественные организации — молодежные, женские, религиозные и политические (напр., “Бирлик” и “Эрк”) (*Тепляков* 2007: 73). Практически все они выступали за свободу слова, боролись за экологию, требовали решительных шагов от правительства по возрождению национальной культуры и спасению исторического наследия; появился и новый термин, все чаще употреблявшийся по отношению к активистам этих движений, — “национальная интеллигенция” (*Скиперских* 2011). Выдвинутые требования получили, судя по последовавшим событиям, поддержку национальной партийной элиты, старавшейся восстановить свой статус, подорванный “Хлопковым делом” (*Collins* 2004: 240–242; *Абашин* 2009: 53; *Abashin* 2014: 88). Первой крупной победой на пути суверенизации стало принятие закона о придании узбекскому языку статуса государственного (21.10.1989). (Схожие социально-культурные процессы происходили и в соседнем Таджикистане [*Даудов и др.* 2015].) Триумфальную атмосферу несколько портил тот факт, что лингвистические преобразования в республике проходили в рамках общесоюзной линии по укреплению национальных языков и не вызывали сопротивления Москвы (*Арутюнова* 2012: 163–164).

Политика гласности и прогрессирующая лояльность к исламу со стороны партийной номенклатуры способствовали и религиозному возрождению. Ссылаясь на утраченные мусульманские ценности, сторонники политизации ислама старались утвердиться в политическом поле. Образовались две общественные силы: блок интеллигенции, ратовавшей за демократическое светское развитие, и сторонники религиозных групп, претендовавшие изначально на власть среди верующих. Руководство республики в условиях деградации СССР вынуждено было лавировать между этими полюсами, создавая поле для дискуссии о природе узбекской идентичности и современной политической жизни. После обретения Узбекистаном независимости в 1991 г. оба лагеря претендовали на власть в стране (о чем свидетельствуют борьба в парламенте в октябре 1991 г., события в Намангане и участие “Исламского батальона” из Ферганской области в гражданской войне в Таджикистане). В итоге политические маневры и меры по маргинализации религиозных экстремистов по-

зволили предотвратить межэтническую и религиозную войны, что было крупной победой правящих элит, особенно на фоне ситуации в соседнем Таджикистане. Одновременно была нейтрализована светская оппозиция, неспособная конкурировать по своим мобилизационным возможностям ни с легальной властью, ни с исламистами. Событиями, ознаменовавшими начало и конец решающего этапа борьбы И.А. Каримова с исламскими движениями общеузбекистанского уровня, стали закон 1998 г. об отделении религии от государства и минирование в августе 2000 г. всех вероятных направлений движения исламских экстремистов через таджикско-узбекскую границу, синхронизированное с категорическим отказом вести с ними какие-либо переговоры (*Haghayeghi* 2002: 320; *Смагулов* 2013: 147).

С конца XX в. любая не контролируемая государством религиозно-политическая организация Узбекистана рассматривается в рамках дискурса террористической угрозы. Таким образом, правительство в лице президента И.А. Каримова смогло легитимировать в глазах населения функцию “строительства государства и нации”, устранив политических противников. На социальном поле началось конструирование и закрепление новой республиканской идентичности.

Важнейшим актом созидания стало определение “исторического” врага и виновника нынешних проблем. По мнению правительства республики, “коммунистическая идеология... своей бездуховностью, фанатизмом и антинациональной направленностью внесла собственный вклад в создание предпосылок для религиозного фундаментализма и традиционализма на постсоветском пространстве” (*Каримов* 1997: 38–39). Подобные настроения национальных элит были общей чертой, обусловленной богатым советским прошлым и многолетним опытом партийной работы, частью которой являлось обличение врагов трудового народа.

Правительство Узбекистана взяло на вооружение основные идеи позднесоветской национальной интеллигенции, ее риторику и дискурс (построение светского демократического государства, ссылки на общечеловеческие ценности и т.д.). Власть синтезировала их с некоторыми исламскими базовыми ценностями (возрождение наследия великих предков, реставрация мусульманских исторических памятников) (*Каримов* 1997: 43–44).

После победы над политически активными представителями национальной интеллигенции и фундаменталистами было развернуто наступление на местничество, регионализм и клановость. “В мире одна узбекская нация, – писал И.А. Каримов, – нет национальных различий между хорезмийцем, ферганцем, сурхандаринцем – все они узбеки” (*Каримов* 1997: 98–99). В то же время президент, будучи уроженцем Самарканда, не отрицал важности региональной самоидентификации.

В ходе построения национального суверенного демократического государства в Узбекистане был сделан упор на создание “многослойной” единой политической идентичности, что напоминало модернизированный национальный проект советского правительства 1930–1950-х годов. В республике были увековечены, наряду с крупными историческими государственными деятелями (Тамерлан, Бабур, Джаллал-ад-Дин и др.), и религиозные мыслители (Имам ал-Бухари, Тирмизи, Баурханутдин Маргинани и др.). Памятники последним, как нам представляется, символизировали союз власти, лояльных к ней представителей региональных элит, интеллигенции и религиозных деятелей. Пытаясь обозначить преемственность с государственными образованиями древнего Хорезма и Мавераннахра, власти инициировали возрождение доисламских верований и праздников. При этом, по мнению Л. Адамса, “несмотря на то, что правительство Узбекистана пыталось использовать праздники в собственных целях национального строительства и контроля над обществом, эти усилия мало повлияли на повседневную жизнь узбекистанских граждан” (*Adams* 2007: 198). В 1990 г.

в Узбекистане было введено празднование Навруза; в 2001 г. отмечался 2700-летний юбилей священной книги зороастризма — “Авесты”; были обозначены условные даты тысячелетних юбилеев крупных городов: 1997 г.— 2500-летие Бухары и Хивы, 2002 г.— 2700-летие Термеза, 2003 г.— 2500-летие Шахрисябза, 2007 г.— 2750-летие Самарканда, 2009 г.— 2200-летие Ташкента и 2000-летие Маргилана. Любопытно, что в основном это были города из западных и юго-западных областей страны, а из Ферганской долины только г. Маргилан удостоился такой чести. Самым древним оказался Самарканд, который был объявлен ровесником Рима.

Государственная политика идеологического строительства вкупе с “гармонизацией” социальной жизни сформировали тип светского человека, сохраняющего сложную иерархию самоидентификаций (религиозную, региональную, клановую и т.д.), но воспринимающего их, вероятно, преимущественно как актуализацию историзированной культуры и на бытовом уровне.

Светская идентичность в Узбекистане — это продукт эссенциализированной политической импликации, которая позиционирует себя действенной единицей, вошедшей всю историю и культуру региона, с четко обозначенной преемственностью государственности. Таким образом, светский человек по отношению к культуре активен в интеллектуальном плане, а в политическом — зависит от национальной идеологии, культивируемой правительственными кругами и ангажированной интеллигенцией. “Светскость” становится относительно пассивным понятием, т.к. ее признаки размыты и определяются государственной идеологией. Абсолютизация “светскости” привела в Узбекистане в 2000-х годах к вытеснению других идентичностей (особенно религиозной). “Светскость” стала проявлять себя в новой культуре, пропагандирующей гармонизацию социальных, межнациональных и межрелигиозных отношений.

Идеологической основой светскости в Узбекистане стала “историческая память, восстановление объективной и правдивой истории народа, родного края, территории государства” (Каримов 1997: 134). В процесс обоснования идентичности вовлечены в первую очередь исследователи, а также институты общественного контроля — махалли². Ученые Узбекистана утверждают, что “демократический потенциал, заложенный в этих традиционных сообществах, просуществовавших не одно столетие, и сегодня используется для построения нового демократического общества” (Арифханова и др. 2011: 438).

Нужно учитывать, что институт махалли, сугубо узбекистанский феномен, — действенный инструмент формирования новой традиционности. Так, в Таджикской ССР на протяжении всего советского времени интерес к махалле был артикулирован слабо. Закон о махаллинских советах был принят в 1980-е годы (Sievers 2002; Абашинов 2015: 491). Светскость в таком ракурсе понимается как синтез традиционного и современного. “В сочетании наших традиционных ценностей с ценностями современного демократического общества — залог нашего будущего процветания, залог интеграции нашего общества в мировое сообщество” (Каримов 1997: 145).

Как представляется, нами дана достаточно полная характеристика государственной политики идентичности в Узбекистане, а также обозначены основные ее вызовы. Однако за рамками исследования осталась роль в построении нового общества, отведенная официальными доктринами национальным меньшинствам, не относящимся к коренному населению. Речь идет о наиболее многочисленных группах: русских, татарах, российских корейцах и др., составляющих от 4% до 9,2% населения Узбекистана (Цыряпкина 2016: 3–4; Иноятлова 2014: 49). Литература по проблеме обширна и содержит разные оценки политического статуса диаспор, к тому же за более чем четверть века ситуация претерпела существенные изменения, связанные с массовой эмиграцией нетитульного населения за пределы страны (Тишков 1993;

Абдуллаев 2000; Савоскул 2001; Абдуллаев 2007; Ситнянский 2011; Fierman 2012; Хан, Сим 2014: 174–215; Цыряпкина 2014; Цыряпкина 2015; Цыряпкина 2016 и др.). Поскольку данный вопрос имеет косвенное отношение к заявленной теме, мы ограничимся схематичным описанием официального взгляда на положение и перспективы инокультурных диаспор Узбекистана.

Законодательство республики носит выраженный “уравнительный” характер. В нем отсутствует понятие “меньшинство”, а права и обязанности граждан не зависят от их групповой принадлежности; единственным государственным языком является узбекский, а создание политических объединений по национальному принципу запрещено 57 ст. Конституции страны. Культурная и общественная активность 27 официально признанных национальных меньшинств, основы которой были заложены еще в конце 1980-х годов, канализирована в сети национально-культурных центров (НКЦ; в 2014 г. их было более 140). Их работу контролируют государственный Республиканский интернациональный культурный центр (создан в 1992 г.) и общественное движение “Халк бирлиги” (учреждено в 1995 г.). Кроме того, официальный статус имеют зарегистрированные религиозные общины, обычно тесно связанные с соответствующими НКЦ (Иноятова 2014: 52–56; Назаров и др. 2014: 628–630). Для русскоязычной общины сохраняется и возможность образования на родном языке, правда, число школ сокращается по мере снижения численности диаспоры (Шустов 2016: 171–173).

Таким образом, в постсоветском Узбекистане создана централизованная система культурных и религиозных организаций, призванных поддерживать и направлять общественную активность представителей нетитульных групп. При этом их политическая деятельность как самостоятельных акторов заблокирована. Есть основания считать, что власти Узбекистана ограничивают информационное влияние государств, сохраняющих сильную связь со своими диаспорами: так, блокируется доступ к части российских СМИ, в т. ч. официальных и наиболее влиятельных (Шустов 2016: 180). Вслед за авторами, обращавшимися к этой проблеме, мы склонны считать, что узбекистанская политика идентичности в целом не была выражено и последовательно дискриминационной по отношению к инокультурным меньшинствам. Тем не менее ряд ее аспектов фактически маргинализировал прежде всего европейские по происхождению и европеизированные группы. Сюда можно отнести и “национальное возрождение” с его упором на колониальный дискурс, и ретрадиционализация, которая ограничивала использование социальных лифтов людьми, не включенными в патрон-клиентские сети и махалли, и подчеркнуто уравнительное законодательство, блокирующее политическую активность малых общностей. Реакцией на все это стала массовая эмиграция представителей диаспор за пределы страны.

Государственная политика идентичности в Узбекистане формировалась на основании прежде всего советского опыта национального строительства. К основным востребованным элементам этого “багажа” следует отнести и преимущественное внимание к истории государственности в регионе, и изучение этногенеза узбеков “постпримордиальным” методом поиска корней, и абсолютизацию концепции единства нации, представляемого в виде конечной, всеми осознаваемой цели развития общества. В условиях масштабного социально-экономического кризиса, вызванного дезинтеграционными процессами в СССР, сохранившая власть номенклатура была вынуждена конкурировать одновременно со светскими носителями идеи “национального возрождения” и сторонниками исламского пути развития страны. Первые, несмотря на название одного из своих политических движений (“Бирлик”), единством не отличались. Вторые, будучи в отдельных регионах лучше организованы и социально оснащены, растратили свой потенциал и подорвали авторитет, увязнув в гражданских войнах в Таджикистане и Афганистане.

Все это позволило политическому руководству страны во главе с И.А. Каримовым к концу 2000 г. сосредоточить в своих руках большую часть инструментов конструирования и воспроизводства новой республиканской идентичности, внешне во многом копирующей идентичность, характерную для позднесоветской модели национального государства. Принципиальным отличием вновь формируемого самосознания стала его многослойность, в рамках которой этническая, светская, региональная, религиозная и кланово-общинная (основанная в т.ч. и на принадлежности к махалля) компоненты были представлены как не противоречащие друг другу. Все вместе они были призваны сформировать общегосударственную гражданскую идентичность, скрепленную “историзированной культурой”, идеей поддержания стабильности, безопасности, авторитетом и институциональным превосходством центральной власти. Прочность этой разнородной конструкции всецело зависит от внутривнутриполитических и социально-экономических процессов в Узбекистане и Средней Азии в целом. В случае серьезных осложнений этническая и религиозная компоненты могут превратиться в инструмент политической борьбы с официальными властями.

Примечания

¹ См. статьи Б. Петрика, А. Ильхамова, С. Губаевой, У. Фиермана, А. Халида в тематическом блоке “Археология узбекской идентичности” под ред. С.Н. Абашина (Этнографическое обозрение. 2005. № 1); Д. Алимовой и др. (Этнографическое обозрение. 2006. № 3).

² “Махалля — это крепко сплоченное сообщество людей, которое на протяжении многих веков выработало свои законы и принципы совместного проживания, что обуславливает ее жизненную силу” (Арифханова и др. 2011: 430).

Научная литература

- Абашин С.Н. Мустакиллик и память об имперском прошлом: проходя по залам ташкентского Музея памяти жертв репрессий // Неприкосновенный запас. 2009. № 4 (66). С. 37–54.
- Абашин С.Н. Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
- Абдуллаев Е.В. Русские Узбекистана — городской субэтнос (опыт социокультурного анализа) // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 5 (11). С. 206–214.
- Абдуллаев Е.В. Русские в Узбекистане 2000-х: идентичность в условиях демодернизации // Русский мир в Центральной Азии. Сб. материалов и статей. Вып. 1 / Ред. А.А. Князев. Бишкек: О.Ф. Александра Князева; Центральноазиатский институт русской диаспоры, 2007. С. 8–33.
- Алимова Д.А. (отв. ред.) История и историки Узбекистана в XX столетии. Ташкент: Navro'z, 2014.
- Алимова Д., Багирова И. (отв. ред.) История общественно-культурного реформаторства на Кавказе и в Центральной Азии. Самарканд: МИЦАИ, 2012.
- Алимова Д.А., Ртвеладзе Э.В. (отв. ред.) Очерки по истории государственности Узбекистана. Ташкент: Шарк, 2001.
- Алимова Д.А., Ртвеладзе Э.В. (отв. ред.) Хорезм в истории государственности Узбекистана. Ташкент: Общество философов Узбекистана, 2013.
- Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках наций и национализма. М.: Кучково поле, 2016.
- Арифджанов Э.К., Алимов Ш.К., Нарбеков А.В., Кадыров К.Б. История Узбекистана: курс лекций. Ташкент: Академия МВД Республики Узбекистан, 2012.
- Арифханова З.Х., Абашин С.Н., Алимова Д.А. (отв. ред.) Узбеки. М.: Наука, 2011.
- Арутюнова М.А. Языковая политика и статус русского языка в СССР и государствах постсоветского пространства // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2012. № 1. С. 155–178.
- Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М.; Рязань: Безбожник, 1931.

- Васильева С.А. Пантюркизм на современном этапе: теоретическая база и практическая деятельность // Социум и власть. 2011. № 3 (31). С. 75–78.
- Вахабов М.Г. Формирование узбекской социалистической нации. Ташкент: Госиздат УзССР, 1961.
- Даудов А.Х., Овсянников Д.В., Хасанов А.Р., Янченко Д.Г. Проблема трансформации статуса национальных языков народов СССР на примере советского и постсоветского Таджикистана в 1980–2010-е гг. // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 4. С. 94–99.
- Иноятова Д.М. Становление и развитие этнополитики в современном Узбекистане // Вестник Омского университета. Серия “Исторические науки”. 2014. № 1 (1). С. 49–58.
- Исхаков Ф. Национальная политика царизма в Туркестане (1867–1917 гг.). Ташкент: Фан, 1997.
- Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века. Угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. Ташкент: Ўзбекистон, 1997.
- Кармышева Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М.: Наука, 1976.
- Маликов А.М. Узбеки группы “сарай” долины Зеравшана в XIX – начале XX вв. // Научный вестник Бухарского государственного университета. 2007. № 3. С. 5–10.
- Манн М. Темная сторона демократии: объяснение этнических чисток. М.: Пятый Рим, 2016.
- Масов Р.М. Таджики: история национальной трагедии. Душанбе: Ирфон, 2008.
- Назаров Р.Р., Алиева В.Р., Ганиев С.К. Узбекистан // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М.: ИЭА РАН, 2014. С. 621–631.
- Нурулла-Ходжаева Н.Т. Джаиды Бухары и их незападный национализм // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2015. Т. II. № 1. С. 33–42.
- Парубочная Е.Ф. Саммиты тюркских государств (1992–2001 гг.): реальная платформа для сближения? // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2011. № 1. С. 113–120.
- Савоскул С.С. Русские нового зарубежья: выбор судьбы. М.: Наука, 2001.
- Ситнянский Г.Ю. Россия и Центральная Азия: вместе или врозь? Межэтнические отношения в Средней Азии и Казахстане и Россия. М.: ИЭА РАН, 2011.
- Скиперских А.В. Интеллектуалы и становление демократических институтов в постсоветском Узбекистане // Социум и власть. 2011. № 1. С. 51–56.
- Смагулов А. Вооруженное противостояние в Афганистане и политико-экономическое развитие Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2013. Т. 16. Вып. 2. С. 139–153.
- Тепляков О.В. Ферганский мятеж как предисловие к конфронтации на Ближнем Востоке // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2007. № 4 (36). С. 68–75.
- Тишков В.А. Русские в Средней Азии и Казахстане. М.: ИЭА РАН, 1993.
- Толстов С.П. (отв. ред.) История народов Узбекистана. Т. 1: С древнейших времен до начала XVI века. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1950.
- Усмонов М.Ш. Трансформация этнокультуры кунгратов южного Узбекистана // Молодой ученый. 2013. № 1 (48). С. 297–302.
- Халид А. Ислам после коммунизма: религия и политика в Центральной Азии. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
- Хан В.С., Сим Х.Ё. Корейцы Центральной Азии: прошлое и настоящее. М.: Изд-во МБА, 2014.
- Хужамурадов И.Р. Проблемы формирования национального (этнического) самосознания узбекского народа и влияние на него ислама. Автореф. дисс. ... д. филос. н. Ташкентский государственный аграрный университет, Ташкент, 1994.
- Цыряпкина Ю.Н. Русские Ферганы: этнокультурная идентичность в трансформирующемся обществе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XX. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2014. С. 419–421.
- Цыряпкина Ю.Н. Идентификационные маркеры русского населения Узбекистана в постсоветский период // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 4. С. 206–213.
- Цыряпкина Ю.Н. Особенности демографических процессов в среде русскоязычного населения в постсоветском Узбекистане // Россия, Сибирь и государства Центральной Азии: взаимодействие народов и культур. Материалы VI международной научно-практической

- конференции, г. Барнаул, 27–28 апреля 2016 г. / Ред. В.А. Бармин, В.С. Бойко, Д.М. Першина. Барнаул: АлтГПУ, 2016. С. 128–131.
- Шаниязов К.Ш.* К этнической истории узбекского народа. Ташкент: Фан, 1974.
- Шаниязов К.Ш.* Некоторые вопросы о процессах формирования узбекского народа // *Общественные науки Узбекистана*. 1996. № 6. С. 79–87.
- Шнирельман В.А.* Арийцы или тюрки? Борьба за предков в Центральной Азии // *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. 2009. № 4. С. 202–205.
- Шустов А.В.* Формирование этнонациональной структуры независимых государств Средней Азии: 1990-е – начало 2010-х гг. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016.
- Якубовский А.Ю.* К вопросу об этногенезе узбекского народа. Ташкент: УзФАН, 1941.
- Abashin S.N.* Nations and Post-Colonialism in Central Asia: Twenty Years Later // *Development in Central Asia and the Caucasus: Migration, Democratisation and Inequality in the Post-Soviet Era* / Eds. S. Hohmann, C. Mouradian, S. Serrano, J. Thorez. L.: I.B. Tauris, 2014. P. 80–97.
- Adams L.* Public and Private Celebrations: Uzbekistan's National Holidays // *Everyday Life in Central Asia. Past and Present* / Eds. J. Sahadeo, R. Zanca. Bloomington: Indiana University Press, 2007. P. 198–212.
- Adigezalov A.N., Abidov D.K.* Orientation Reasons of Turkestan's Djadidism toward Panturkism and Political Processes in Azerbaijan // *Theoretical & Applied Science*. 2016. Vol. 11 (43). P. 73–74.
- Akcali P.* Identity Politics and Political Mobilization in Central Asia: The Case of the Islamic Renaissance Party (IRP). PhD diss. Miami University, Oxford, 1998.
- Akiner Sh.* Islam, the State and Ethnicity in Central Asia in Historical Perspective // *Religion, State and Society*. 1996. Vol. 24. No. 2–3. P. 91–132. <https://doi.org/10.1080/09637499608431733>
- Collins K.* The Logic of Clan Politics: Evidence from the Central Asian Trajectories // *World Politics*. 2004. Vol. 56. No. 2. P. 224–261.
- Emre Gurbuz Y.* In Search of New Historiographies for Ex-Soviet Turkic States: Azerbaijan, Uzbekistan and Kazakhstan // *Historiography and Nation-Building among Turkic Populations* / Ed. B. Schlyter. Istanbul: Swedish Research Institute in Istanbul, 2014. P. 47–68.
- Fierman W.* Russian in Post-Soviet Central Asia: A Comparison with the States of the Baltic and South Caucasus // *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64. No. 6. P. 1077–1100.
- Haghighy M.* Changing Dynamics of Islamic Politics in Central Asia // *Muslim World*. 2002. No. 92 (3–4). P. 315–331.
- Hanks R.R.* A Separate Space? Karakalpak Nationalism and Devolution in Post-Soviet Uzbekistan // *Europe-Asia Studies*. 2000. Vol. 52. № 5. P. 939–953.
- Kirimli M.* Uzbekistan in the New World Order // *Central Asian Survey*. 1997. Vol. 16 (1). P. 53–64. <https://doi.org/10.1080/02634939708400969>
- Landau J.M.* Pan-Turkism: From Irredentism to Cooperation. L.: Hurst & Co, 1995.
- Majoka H.* Islam and the Turkic Tajik Symbiosis in Central Asia. Magister thesis. McGill University, Montreal, 2009.
- Markowitz L.P.* Collapsed and Prebendal States in Post-Soviet Eurasia: Cross-Regional Determinants of State Formation in Tajikistan and Uzbekistan. PhD diss. University of Wisconsin, Madison, 2005.
- Muhammadjonov A., Usmonov Q.* O'zbekiston Tarixi (Milodning IV Asridan XVI Asr Boshlarigacha), 7-Sinif. Toshkent: O'zbekiston Milliy Ensiklopediyasi, Davlat Ilmiy Nashriyoti, 2005.
- Olcott M.* National Consolidation: Ethnic, Regional, and Historical Challenges // *Harvard International Review*. 2000. Vol. 22. № 1. P. 50–54.
- Onaran Ya.* Economics and Nationalism: The Case of Muslim Central Asia // *Central Asian Survey*. 1994. No. 13 (4). P. 491–505. <https://doi.org/10.1080/02634939408400879>
- Rasanayagam J.* The Politics of Culture and the Space for Islam: Soviet and Post-Soviet Imaginaries in Uzbekistan // *Central Asian Survey*. 2014. No. 33 (1). P. 1–14. <https://doi.org/10.1080/02634937.2014.882619>
- Sarwari A.* Expression of Islamic Identity and the Myth of Religious Fundamentalism in Central Asia. Washington: The American University, 1997.
- Schoeberlein-Engel J.* Identity in Central Asia: Construction and Contention in the Conceptions of "Ozbek", "Tajik", "Muslim", "Samarqandi" and Other Groups. PhD diss. Harvard University, Cambridge, 1994.
- Sievers E.* Uzbekistan's Mahalla: From Soviet to Absolutist Residential Community Associations // *The Journal of International and Comparative Law*. 2002. Vol. 2. P. 91–158.

Research Article

Daudov, A.H., B.A. Alimjanov, A.A. Andreev, V.A. Shorokhov, and D.G. Yanchenko. The State Policy of Identity in Uzbekistan during the Late Soviet Period and the Age of Independence [Gosudarstvennaia politika identichnosti v Uzbekistane v pozdnesovetskoe vremia i epokhu nezavisimosti]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 5, pp. 146–162. <https://doi.org/10.31857/S086954150001481-9> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Abdullah H. Daudov | <https://orcid.org/0000-0002-2254--9462> | a.daudov@spbu.ru | St. Petersburg University (7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia)

Bahtiyor A. Alimjanov | <https://orcid.org/0000-0002-8251-0201> | felix_1985@mail.ru | Independent researcher (Tashkent, 100123, Uzbekistan)

Artem A. Andreev | <https://orcid.org/0000-0002-0431-2648> | a.a.andreev@spbu.ru | St. Petersburg University (7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia)

Vladimir A. Shorokhov | <https://orcid.org/0000-0002-0866-8529> | v.shorohov@spbu.ru | St. Petersburg University (7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia)

Denis G. Yanchenko | <https://orcid.org/0000-0002-5400-3528> | d.yanchenko@spbu.ru | St. Petersburg University (7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia)

Keywords

identity, Islam, secularism, Birlik, authority, national intellectual class, regionality, locality, nationalism

Abstract

The article examines the state policy of identity (or of the so called “national revival”) in Uzbekistan during the last three decades. We discuss the actions of the republic’s authorities in regard to identities of the population. The government set a course for the maintenance of the secular type of civil identity as early as in the late 1980s, deliberately forcing religious and regional identities out to the sphere of everyday life. The vision and understanding of secularism by the authorities, however, was rather peculiar. For instance, the reference to the history of state formation in the region was instrumental in justifying the monopoly of institutions of power in the matters of national identity building. This consistent and tactically rigid policy line was conducive to the strengthening of the secular regime insofar as it provided a stable domestic policy.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:
St. Petersburg University [grant 5.42.1111.2016]

DOI: 10.31857/S086954150001481-9

References

- Abashin, S.N. 2009. Mustakillik i pamiat’ ob imperskom proshlom: prokhodia po zalam tashkent-skogo Muzeia pamiati zhertv repressii [Mustakillik and the Memory of the Imperial Past: Passing through the the Rooms of the Museum of Victims of Political Repression]. *Neprikosnovennyyi zapas* 4 (66): 37–54.
- Abashin, S.N. 2014. Nations and Post-Colonialism in Central Asia: Twenty Years Later. In *Development in Central Asia and the Caucasus: Migration, Democratisation and Inequality in the Post-Soviet Era*, edited by S. Hohmann, C. Mouradian, S. Serrano, and J. Thorez. London: I. B. Tauris.
- Abashin, S.N. 2015. *Sovetskii kishlak. Mezhdru kolonializmom i modernizatsiei* [Soviet Kishlak. Between Colonialism and Modernization]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

- Abdullaev, E.V. 2000. Russkie Uzbekistana — gorodskoi subetnos (opyt sotsiokul'turnogo analiza) [Russians of Uzbekistan are the Urban Sub-Ethnic Group (Effort of Socio-Cultural Analysis)]. *Tsentrāl'naia Aziia i Kavkaz* 5 (11): 206–214.
- Abdullaev, E.V. 2007. Russkie v Uzbekistane 2000-kh: identichnost' v usloviakh demodernizatsii [Russians in Uzbekistan in 2000s: Identity in a Context of Demodernization]. In *Russkii mir v Tsentrāl'noi Azii. Sbornik materialov i statei* [Pax Rossica in Central Asia. Collection of Writings], edited by A.A. Kniazev, 1: 8–33. Bishkek: O. F. Aleksandra Kniazeva; Tsentrāl'noaziatskii institut russkoi diaspory.
- Adams, L. 2007. Public and Private Celebrations: Uzbekistan's National Holidays. In *Everyday Life in Central Asia. Past and Present*, edited by J. Sahadeo and R. Zanca, 198–212. Bloomington: Indiana University Press.
- Adigezalov, A.N., and D.K. Abidov. 2016. Orientation Reasons of Turkestan's Djadidism toward Pan-turkism and Political Processes in Azerbaijan. *Theoretical & Applied Science* 11 (43): 73–74.
- Akcali, P. 1998. Identity Politics and Political Mobilization in Central Asia: The Case of the Islamic Renaissance Party (IRP). PhD diss, Miami University, Oxford.
- Akiner, Sh. 1996. Islam, the State and Ethnicity in Central Asia in Historical Perspective. *Religion, State and Society* 24: 91–132. <https://doi.org/10.1080/09637499608431733>
- Alimova, D., and I. Bagirova, eds. 2012. *Istoriia obshchestvenno-kul'turnogo reformatorstva na Kavkaze i v Tsentrāl'noi Azii* [History of the Movement for the Social and Cultural Refomation in Caucasus Region and Central Asia]. Samarkand: MITsAI.
- Alimova, D.A., ed. 2014. *Istoriia i istoriki Uzbekistana v XX stoletii* [History and Historians of Uzbekistan in 20th Century]. Tashkent: Navro'z.
- Alimova, D.A., and E.V. Rtveladze, eds. 2001. *Ocherki po istorii gosudarstvennosti Uzbekistana* [Essays on the History of the Uzbekistan Statehood]. Tashkent: Shark.
- Alimova, D.A., and E.V. Rtveladze, eds. 2013. *Horezm v istorii gosudarstvennosti Uzbekistana* [Khorezm in the History of Statehood of Uzbekistan]. Tashkent: Obshchestvo filosofov Uzbekistana.
- Anderson, B. 2016. *Voobrazhaemye soobshchestva: razmyshleniia ob istokakh natsii i natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow: Kuchkovo pole.
- Arifdzhonov, Je.K., Sh.K. Alimov, A.V. Narbekov, and K.B. Kadyrov. 2012. *Istoriia Uzbekistana: kurs lektsii* [The History of Uzbekistan: Lecture Course]. Tashkent: Akademiia MVD Respubliki Uzbekistan.
- Arifkhanova, Z. Kh., S.N. Abashin, and D.A. Alimova, eds. 2011. *Uzbeki* [Uzbeks]. Moscow: Nauka.
- Arsharuni, A., and Kh. Gabidullin. 1931. *Ocherki panislamizma i panturkizma v Rossii* [The Reviews on Pan-Islamism and Pan-Turkism in Russia]. Moscow; Riazan': Bezbozhnik.
- Arutiunova, M.A. 2012. Yazykovaia politika i status russkogo yazyka v SSSR i gosudarstvakh posts-ovetskogo prostranstva [Language Policy and the Status of Russian Language in USSR and Post-Soviet States]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 25: Mezhdunarodnye otnosheniia i mirovaia politika* 1: 155–178.
- Collins, K. 2004. The Logic of Clan Politics: Evidence from the Central Asian Trajectories. *World Politics* 56 (2): 224–261.
- Tsyrapiakina, Yu.N. 2014. Russkie Fergany: etnokul'turnaia identichnost' v transformiruiushchemsia obshchestve [Russians of Ferghana: Ethnic-Cultural Identity in Transforming Society]. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i soprodel'nykh territorii* XX: 419–421.
- Tsyrapiakina, Yu.N. 2015. Identifikatsionnye markery russkogo naseleniia Uzbekistana v postsovetiskii period [Identity Markers of the Russian Population of Uzbekistan during the Post-Soviet Period]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 4: 206–213.
- Tsyrapiakina, Yu.N. 2016. Osobennosti demograficheskikh protsessov v srede russoiazychnogo nasele-niia v postsovetском Uzbekistane [The Features of the Demographic Flow in the Russian-Speaking Milieu of Post-Soviet Uzbekistan]. In *Rossia, Sibir' i gosudarstva Tsentrāl'noi Azii: vzaimodeist-vie narodov i kul'tur. Materialy VI mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Barnaul, 27–28 aprelia 2016 g.* [Russia, Siberia and the States of Central Asia: Interactions between Peoples and Cultures. The Proceedings of the VI International Research and Practical Conference, Bar-naul, 27th–28th of April 2016], edited by V.A. Barmin, V.S. Boiko, and D.M. Pershina, 128–131. Barnaul: AltGPU, S.
- Daudov, A. Kh., D.V. Osiannikov, A.R. Khasanov, and D.G. Yanchenko. 2015. Problema trans-formatsii statusa natsional'nykh yazykov narodov SSSR na primere sovetского i postsovetского Tadzhikistana v 1980–2010-e gg. [The Problem of Status Transformation of the USSR National

- Languages Evidence from Soviet and Post-Soviet Tadjikistan in 1980–2010th]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie* 4: 94–99.
- Emre Gurbuz, Y. 2014. In Search of New Historiographies for Ex-Soviet Turkic States: Azerbaijan, Uzbekistan and Kazakhstan. In *Historiography and Nation-Building among Turkic Populations*, edited by B. Schlyter, 47–68. Istanbul: Swedish Research Institute in Istanbul.
- Fierman, W. 2012. Russian in Post-Soviet Central Asia: A Comparison with the States of the Baltic and South Caucasus. *Europe-Asia Studies* 64 (6): 1077–1100.
- Haghighyeghi, M. 2002. Changing Dynamics of Islamic Politics in Central Asia. *Muslim World* 92 (3–4): 315–331.
- Khan, V.S., and Kh.E. Sim. 2014. *Koreitsy Tsentral'noi Azii: proshloe i nastoiashchee* [Koreans in Central Asia: Past and Present]. Moscow: Izdatel'stvo MBA.
- Hanks, R.R. 2000. A Separate Space? Karakalpak Nationalism and Devolution in Post-Soviet Uzbekistan. *Europe-Asia Studies* 5 (52): 939–953.
- Huzhamuradov, I.R. 1994. Problemy formirovaniya nacional'nogo (ehtnicheskogo) samosoznaniya uzbekskogo naroda i vliyanie na nego islama [Problems of Formation of National (Ethnic) Self-Consciousness of the Uzbek People and Influence of Islam on it]. PhD diss. abstract, Tashkentskii Gosudarstvennyi agrarnyi universitet.
- Inoiatova, D.M. 2014. Stanovlenie i razvitie etnopolitiki v sovremennom Uzbekistane [Establishment and Development of the Ethnic Policy in Modern Uzbekistan]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki"* 1 (1): 49–58.
- Iskhakov, F. 1997. *Natsional'naiia politika tsarizma v Turkestane (1867–1917 gg.)* [National Policy of Tzarism in Turkestan (1867–1917)]. Tashkent: Fan.
- Karimov, I.A. 1997. *Uzbekistan na poroge XXI veka. Ugrozy bezopasnosti, usloviia i garantii progressa* [Uzbekistan on the Threshold of the 21st Century: Challenges to Stability, Terms and Commitments of Progress]. Tashkent: Uzbekiston.
- Karmysheva, B. Kh. 1976. *Ocherki etnicheskoi istorii yuzhnykh raionov Tadzhikistana i Uzbekistana* [Ethnic History Reviews of the Southern Regions of Tajikistan and Uzbekistan]. Moscow: Nauka.
- Khalid, A. 2010. *Islam posle kommunizma: religii i politika v Tsentral'noi Azii* [Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Kirimli, M. 1997. Uzbekistan in the New World Order. *Central Asian Survey* 1 (16): 56. <https://doi.org/10.1080/02634939708400969>
- Landau, J.M. 1995. *Pan-Turkism: From Irredentism to Cooperation*. London: Hurst & Co.
- Majoka, H. 2009. Islam and the Turkic Tajik Symbiosis in Central Asia. PhD diss. abstract, McGill University, Montreal.
- Malikov, A.M. 2007. Uzbeki gruppy "sarai" doliny Zeravshana v XIX – nachale XX vv. [Uzbek "Sarai" Groups of Zeravshan Valley in the 19th – Early 20th Centures]. *Nauchnyi vestnik Bukharskogo gosudarstvennogo universiteta* 3: 5–10.
- Mann, M. 2016. *Temnaia storona demokratii: Ob'iasnenie etnicheskikh chistok* [The Dark Side of Democracy: Explaining Ethnic Cleansing]. Moscow: Piatyi Rim.
- Markowitz, L.P. 2005. Collapsed and Prebendal States in Post-Soviet Eurasia: Cross-Regional Determinants of State Formation in Tajikistan and Uzbekistan. PhD diss., University of Wisconsin. Madison.
- Masov, R.M. 2008. *Tadzhiki: istoriia natsional'noi tragedii* [Tajiks: The Story of the National Tragedy]. Dushanbe: Irfon.
- Muhammadjonov, A., and Q. Usmonov. 2005. *O'zbekiston Tarixi (Milodning IV Asridan XVI Asr Boshlarigacha), 7-Sinif* [The History of Uzbekistan (from the 4th to the 16th Century BC), 7th Grade]. Tashkent: O'zbekiston Milliy Ensiklopediyasi, Devlet Ilmiy Nashriyoti.
- Nazarov, R.R., V.R. Alieva, and S.K. Ganiev. 2014. Uzbekistan. In *Etnopoliticheskaia situatsiia v Rossii i sopredel'nykh gosudarstvakh v 2013 godu. Ezhegodnyi doklad Seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniia konfliktov* [Ethno-Political Situation in Russia and Neighbor Countries in 2013: Annual Report of the Network for Ethnological Monitoring and Early Conflict Warning], 621–631. Moscow: IEA RAN.
- Nurulla-Khodzaeva, N.T. 2015. Dzhadidy Bukhary i ikh nezapadnyi natsionalizm [Bukharian Jadids and Their Non-Western Nationalism]. *Islam v sovremennom mire: vnutrigosudarstvennyi i mezhdunarodno-politicheskii aspekty* 11 (1): 33–42.
- Olcott, M. 2000. National Consolidation: Ethnic, Regional, and Historical Challenges. *Harvard International Review* 1 (22): 50–54.

- Onaran, Ya. 1994. Economics and Nationalism: The Case of Muslim Central Asia. *Central Asian Survey* 4 (13): 491–505. <https://doi.org/10.1080/02634939408400879>
- Parubochnaia, E.F. 2011. Sammity tiurkskikh gosudarstv (1992–2001 gg.): real'naia platforma dlia sbliuzheniia? [The Summits of Turkic States (1992–2001): The Real Platform for Closer Relations?]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istorii. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia* 1: 113–120.
- Rasanayagam, J. 2014. The Politics of Culture and the Space for Islam: Soviet and Post-Soviet Imaginaries in Uzbekistan. *Central Asian Survey* 33 (1): 1–14. <https://doi.org/10.1080/02634937.2014.882619>
- Sarwari, A. 1997. *Expression of Islamic Identity and the Myth of Religious Fundamentalism in Central Asia*. Washington: The American University.
- Savoskul, S.S. 2001. *Russkie novogo zarubezh'ia: vybor sud'by* [The Russians of the New Abroad]. Moscow: Nauka.
- Schoeberlein-Engel, J. 1994. Identity in Central Asia: Construction and Contention in the Conceptions of “Ozbek”, “Tajik”, “Muslim”, “Samarqandi” and Other Groups. PhD diss., Harvard University. Cambridge.
- Shaniiazov, K. Sh. 1974. *K etnicheskoi istorii uzbekskogo naroda* [To the Ethnic History of the Uzbek People]. Tashkent: Fan.
- Shaniiazov, K. Sh. 1996. Nekotorye voprosy o protsessakh formirovaniia uzbekskogo naroda [Some Questions about the Processes of Formation of the Uzbek People]. *Obshchestvennye nauki Uzbekistana* 6: 79–87.
- Shnirel'man, V.A. 2009. Ariitsy ili tiurki? Bor'ba za predkov v Tsentral'noi Azii [Aryans or Turks? The Struggle for Ancestors in Central Asia]. *Politicheskaiia kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinnykh issledovaniy* 4: 202–205.
- Shustov, A.V. 2016. *Formirovanie etnonatsional'noy struktury nezavisimyykh gosudarstv Srednei Azii: 1990-e – nachalo 2010-kh gg.* [Development of Ethnic and National Structure of Independent States in Middle Asia: The 1990s – Early 2010s]. Moscow: Tovarichestvo nauchnykh izdaniy KMK.
- Sievers, E. 2002. Uzbekistan's Mahalla: From Soviet to Absolutist Residential Community Associations. *The Journal of International and Comparative Law* 2: 91–158.
- Sitnianskii, G. Yu. 2011. *Rossia i Tsentral'naia Azia: vmeste ili vroz'?* *Mezhetnicheskie otnosheniia v Srednei Azii i Kazakhstane i Rossii* [Russia and Central Asia: Together or Apart? Inter-Ethnic Relations in Central Asia and Kazakhstan and Russia]. Moscow: IEA RAN.
- Skiperskikh, A.V. 2011. Intellektualy i stanovlenie demokraticeskikh institutov v postsovetском Uzbekistane [Intellectuals and the Establishment of Democratic Institutions in Post-Soviet Uzbekistan]. *Sotsium i vlast'* 1: 51–56.
- Smagulov, A. 2013. Vooruzhennoe protivostoianie v Afganistane i politiko-ekonomicheskoe razvitiie Tsentral'noi Azii [The Armed Standoff in Afghanistan and the Political and Economic Development of Central Asia]. *Tsentral'naia Azia i Kavkaz* 16 (2): 139–153.
- Teplakov, O.V. 2007. Ferganskii miatezh kak predislovie k konfrontatsii na Blizhnem Vostoke [Fergana Revolt as a Prelude to the Confrontation in the Near East]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* 4 (36): 68–75.
- Tishkov, V.A. 1993. *Russkie v Srednei Azii i Kazakhstane* [Russians in Middle Asia and Kazakhstan]. Moscow: IEA RAN.
- Tolstov, S.P., ed. 1950. *Istoriiia narodov Uzbekistana. Vol. 1: S drevneishikh vremen do nachala XVI veka* [History of the Peoples of Uzbekistan. Vol. I: From the Earliest Times until the Beginning of 16th Century]. Tashkent: Izdatel'stvo AN UzSSR.
- Usmonov, M. Sh. 2013. Transformatsiia etnokul'tury kungratov yuzhnogo Uzbekistana [Ethnic and Cultural Transformation of the Khongirad of Southern Uzbekistan]. *Molodoi uchenyi* 1 (48): 297–302.
- Vakhabov, M.G. 1961. *Formirovanie uzbekskoi sotsialisticheskoi natsii* [The Development of the Uzbek Socialistic Nation]. Tashkent: Gosizdat UzSSR.
- Vasil'eva, S.A. 2011. Pantiurkizm na sovremennom etape: teoreticheskaiia baza i prakticheskaiia deiatel'nost' [Pan-Turkism on the Modern Stage: The Theoretical Base and Practice]. *Sotsium i vlast'* 3 (31): 75–78.
- Yakubovskii, A. Yu. 1941. *K voprosu ob etnogeneze uzbekskogo naroda* [On the Issue of Ethnogenesis of the Uzbek People]. Tashkent: UzFAN.